

[table]На краю мертвого марсианского моря раскинулся безмолвный белый городок. Он был пуст. Ни малейшего движения на улицах. Днем и ночью в универмагах одиноко горели огни. Двери лавок открыты настежь, точно люди обратились в бегство, позабыв о ключах. На проволочных рейках у входов в немые закусовые нечитанные, порывевшие от солнца, шелестели журналы, доставленные месяц назад серебристой ракетой с Земли.

Городок был мертв. Постели в нем пусты и холодны. Единственный звук - жужжание тока в электропроводах и динамо-машинах, которые все еще жили сами по себе. Вода переполняла забытые ванны, текла в жилые комнаты, на веранды, в маленькие сады, питая заброшенные цветы. В темных зрительных залах затвердела прилепленная снизу к многочисленным сиденьям жевательная резинка, еще хранящая отпечатки зубов.

За городом был космодром. Едкий паленый запах до сих пор стоял там, откуда взлетела курсом на Землю последняя ракета. Если опустить монетку в телескоп и навести его на Землю, можно, пожалуй, увидеть бушующую там большую войну. Увидеть, скажем, как взрывается Нью-Йорк. А то и рассмотреть Лондон, окутанный туманом нового рода. И, может быть, тогда станет понятным, почему покинут этот марсианский городок. Быстро ли проходила эвакуация? Войдите в любой магазин, нажмите на клавиши кассы. И ящичек выскочит, сверкая и брэнча монетами. Да, должно быть, плохо дело на Земле...

По пустынным улицам городка, негромко посвистывая, сосредоточенно гоня перед собой ногами пустую банку, шел высокий худой человек. Угрюмый, спокойный взгляд его глаз отражал всю степень его одиночества. Он сунул костистые руки в карманы, где брэнчали новенькие монеты. Нечаянно уронил монетку на асфальт, усмехнулся и пошел дальше, кропя улицы блестящими монетами...

Его звали Уолтер Грипп. У него был золотой прииск и уединенная лачуга далеко в голубых марсианских горах, и раз в две недели он отправлялся в город поискать себе в жены спокойную, разумную женщину. Так было не первый год, и всякий раз он возвращался в свою лачугу разочарованный и по-прежнему одинокий. А неделю назад, придя в город, застал вот такую картину!

Он был настолько ошеломлен в тот день, что заскочил в первую попавшуюся закусовую и заказал себе тройной сэндвич с мясом.

- Будет сделано! - крикнул он.

Он расставил на стойке закуски и испеченный накануне хлеб, смахнул пыль со стола, предложил самому себе сесть и ел, пока не ощутил потребность отыскать сатуратор и заказать содовой. Владелец, некто Уолтер Грипп, оказался на диво учтивым и мигом налил ему шипучий напиток!

Он набил карманы джинсов деньгами, какие только ему подворачивались. Нагрузил тележку десятидолларовыми бумажками и побежал, обуреваемый вождениями, по городу. Уже на окраине он внезапно уразумел, до чего постыдно и глупо себя ведет. На что ему деньги! Он отвез десятидолларовые бумажки туда, где взял их вынул из собственного бумажника один доллар, опустил его в кассу закусовой за сэндвичи и добавил четвертак на чай.

Вечером он насладился жаркой турецкой баней, сочным филе и изысканным грибным соусом, импортным сухим хересом и клубникой в вине. Подобрал себе новый синий фланелевый костюм и роскошную серую шляпу которая потешно болталась на макушке его длинной головы. Он сунул монетку в автомат-радиолу, которая заиграла "Нашу старую шайку". Насовал пятак в двадцать автоматов по всему городу. Печальные звуки "Нашей старой шайки" заполнили ночь и пустынные улицы, а он шел все дальше, высокий, худой, одинокий, мягко

Он растерянно заморгал.

- С таким же успехом это мог быть и "он", верно?

Сердце угомнилось. Холодно и пусто, очень пусто. Ему так хотелось, чтобы это была "она". Он вышел из дому и остановился посреди улицы, лежавшей в тусклом свете раннего утра.

Прислушался. Ни звука. Ни одной птицы. Ни одной автомашины. Только сердца стук. Толчок - перерыв - толчок. Мышцы лица свело от напряжения. А ветер, такой нежный, такой ласковый, тихонько трепал полы его пиджака.

- Тсс, - прошептал он. - Слушай!

Он медленно поворачивался, переводя взгляд с одного безмолвного дома на другой.

Она будет набирать номер за номером, думал он. Это должна быть женщина. Почему? Только женщина станет перебирать все номера Мужчины не станет. Мужчина самостоятельнее. Разве я звонил кому-нибудь? Нет! Даже в голову не приходило. Это должна быть женщина. Непременно должна, видит бог!

Слушай.

Вдалеке, где-то под звездами, зазвонил телефон.

Он побежал. Остановился послушать. Тихий звон. Еще несколько шагов. Громче. Он свернул и помчался вдоль аллеи. Еще громче! Миновал шесть домов, еще шесть! Совсем громко! Вот этот? Дверь была заперта.

Внутри звонил телефон.

- А, черт! - Он дергал дверную ручку.

Телефон надрывался.

Он схватил на веранде кресло, обрушил его на окно гостиной и прыгнул в пролом.

Прежде чем он успел взяться за трубку, телефон смолк.

Он пошел из комнаты в комнату, бил зеркала, срывал портьеры, сшиб ногой кухонную плиту.

Вконец обессилив, он подобрал с пола тонкую телефонную книгу, в которой значились все абоненты на Марсе. Пятьдесят тысяч фамилий.

Начал с первой фамилии.

Амелия Амз Нью-Чикаго, за сто миль, по ту сторону мертвого моря. Он набрал ее номер.

Нет ответа.

Второй абонент жил в Нью-Йорке, за голубыми горами, пять тысяч миль.

Нет ответа.

Третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой: дрожащие пальцы с трудом удерживали трубку.

Женский голос ответил:

- Алло?

Уолтер закричал в ответ:

- Алло, господи, алло!

- Это запись, - декламировал женский голос. - Мисс Элен Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно будет записано на проволоку, чтобы она могла позвонить вам, когда вернется. Алло? Это запись. Мисс Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно...

Он повесил трубку.

Его губы дергались.

Подумав, он набрал номер снова.

- Когда мисс Элен Аразумян вернется домой, - сказал он, - передайте ей, чтобы катилась к черту.

Он позвонил на центральный коммутатор Марса, на телефонные станции Нью-Бостона,

Аркадии и Рузвельт Сити, рассудив, что там скорее всего можно застать людей, пытающихся куда-нибудь дозвониться, потом вызвал ратуши и другие официальные учреждения в каждом городе. Обзвонил лучшие отели. Какая женщина устоит против искушения пожить в роскоши!

Вдруг он громко хлопнул в ладоши и рассмеялся. Ну, конечно же! Сверился с телефонной книгой и набрал через междугородную номер крупнейшего косметического салона в Нью-Тексас-Сити. Где же еще искать женщину, если не в обитом бархатом, роскошном косметическом салоне, где она может метаться от зеркала к зеркалу, лепить на лицо всякие мази, сидеть под электросушилкой!

Долгий гудок. Кто-то на том конце провода взял трубку.

Женский голос сказал.

- Алло!

- Если это запись, - отчеканил Уолтер Грипп, - я приеду и взорву к чертям ваше заведение.

- Это не запись, - ответил женский голос - Алло! Алло, неужели тут есть живой человек!
Где вы?

Она радостно взвизгнула.

Уолтер чуть не упал со стула.

- Алло!.. - Он вскочил на ноги, сверкая глазами. - Боже мой, какое счастье, как вас звать?

- Женевьева Селзор! - Она плакала в трубку. - О, господи, я так рада, что слышу ваш голос, кто бы вы ни были!

- Я Уолтер Грипп!

- Уолтер, здравствуйте, Уолтер!

- Здравствуйте, Женевьева!

- Уолтер Какое чудесное имя. Уолтер, Уолтер!

- Спасибо.

- Но где же вы, Уолтер?

Какой милый, ласковый, нежный голос... Он прижал трубку поплотнее к уху, чтобы она могла шептать ласковые слова. У него подкашивались ноги Горели щеки.

- Я в Мерлин-Вилледж, - сказал он - Я...

- Зззз.

- Алло? оторопел он.

- Зззз.

Он постучал по рычагу. Ничего.

Где то ветер свалил столб. Женевьева Селзор пропала так же внезапно, как появилась.

Он набрал номер, но аппарат был нем.

- Ничего, теперь я знаю, где она.

Он выбежал из дома. В лучах восходящего солнца он задним ходом вывел из чужого гаража спортивную машину, загрузил заднее сиденье взятыми в доме продуктами и со скоростью восьмидесяти миль в час помчался по шоссе в Нью-Тексас-Сити. Тысяча миль, подумал он. Терпи, Женевьева Селзор, я не заставлю тебя долго ждать!

Выезжая из города, он лихо сигналил на каждом углу.

На закате, после дня невысказанной гонки, он свернул к обочине, сбросил тесные ботинки, вытянулся на сиденье и надвинул свою роскошную шляпу на утомленные глаза. Его дыхание стало медленным, ровным. В сумраке над ним летел ветер, ласково сияли звезды. Кругом высились древние-древние марсианские горы. Свет звезд мерцал на шпилях марсианского городка, который шахматными фигурками прилепился к голубым склонам.

Он лежал, витая где-то между сном и явью. Он шептал: Женевьева. Потом тихо запел "О

Женевьева, дорогая, - пускай бежит за годом год. Но, дорогая Женевьева..." На душе было тепло. В ушах звучал ее тихий, нежный, ровный голос: "Алло, о, алло, Уолтер! Это не запись. Где ты, Уолтер, где ты?"

Он вздохнул, протянул руку навстречу лунному свету - прикоснуться к ней. Ветер развеивал длинные черные волосы, чудные волосы. А губы - как красные мятные лепешки. И щеки, как только что срезанные влажные розы. И тело будто легкий светлый туман, а мягкий, ровный, нежный голос напевает ему слова старинной печальной песенки:

"О Женевьева, дорогая - пускай бежит за годом год..."

Он уснул.

Он добрался до Нью Тексас-Сити в полночь.

Остановил машину перед косметическим салоном "Делюкс" и лихо гикнул.

Вот сейчас она выбежит в облаке духов, вся лучась смехом.

Ничего подобного не произошло.

- Уснула. - Он пошел к двери. - Я уже тут! - крикнул он. - Алло, Женевьева!

Безмолвный город был озарен двоящимся светом лун. Где-то ветер хлопал брезентовым навесом. Он распахнул стеклянную дверь и вошел.

- Эгей! - Он смущенно рассмеялся. - Не прячься! Я знаю, что ты здесь! Он обыскал все кабинки.

Нашел на полу крохотный платок. Запах был такой дивный, что его зашатало.

- Женевьева, - произнес он.

Он погнал машину по пустым улицам, но никого не увидел.

- Если ты вздумала подшутить...

Он сбавил ход.

- Пстой-ка, нас же разъединили. Может, она поехала в Мерлин-Вилледж, пока я ехал сюда?! Свернула, наверно, на древнюю Морскую дорогу, и мы разминулись днем. Откуда ей было знать, что я приеду сюда? Я же ей не сказал. Когда телефон замолчал, она так перепугалась, что бросилась в Мерлин-Вилледж искать меня! А я здесь торчу, силы небесные, какой же я идиот!

Он нажал клаксон и пулей вылетел из города.

Он гнал всю ночь. И думал: "Что если я не застану ее в Мерлин-Вилледж?"

Вон из головы эту мысль. Она должна быть там. Он подбежит к ней и обнимет ее, может быть, даже поцелует - один раз - в губы.

"Женевьева, дорогая", - насвистывал он, выжимая педалью сто миль в час.

В Мерлин-Вилледж было по-утреннему тихо. В магазинах еще горели желтые огни; автомат, который играл сто часов без перерыва, наконец щелкнул электрическим контактом и смолк; безмолвие стало полным. Солнце начало согревать улицы и холодное безучастное небо.

Уолтер свернул на Мейн-стрит, не выключая фар, усиленно гудя клаксоном, по шесть раз на каждом углу. Глаза впивались в вывески магазинов. Лицо было бледное, усталое, руки скользили по мокрой от пота баранке.

- Женевьева! - взывал он к пустынной улице.

Отворилась дверь косметического салона.

- Женевьева! - Он остановил машину и побежал через улицу.

Женевьева Селзор стояла в дверях салона. В руках у нее была раскрытая коробка шоколадных конфет. Коробку стискивали пухлые, белые пальцы. Лицо - он увидел его, войдя в полосу света, - было круглое и толстое, глаза - два огромных яйца, воткнутых в бесформенный ком теста. Ноги - толстые, как колоды, походка тяжелая, шаркающая. Волосы - неопределенного

бурого оттенка, тщательно уложенные в виде птичьего гнезда. Губ не было вовсе, их заменял нарисованный через трафарет жирный красный рот, который то восхищенно раскрывался, то испуганно захлопывался. Брови она выщипала, оставив две тонкие ниточки.

Уолтер замер. Улыбка сошла с его лица. Он стоял и глядел.

Она уронила конфеты на тротуар.

- Вы Женевьева Селзор? - У него звенело в ушах.

- Вы Уолтер Грифф? - спросила она.

- Грипп.

- Грипп, - поправилась она.

- Здравствуйте, - выдавил он из себя.

- Здравствуйте. - Она пожала его руку.

Ее пальцы были липкими от шоколада.

- Ну, - сказал Уолтер Грипп.

- Что? - спросила Женевьева Селзор.

- Я только сказал "ну", - объяснил Уолтер.

- А-а.

Девять часов вечера. Днем они ездили за город, а на ужин он приготовил филе-миньон, но Женевьева нашла, что оно недожарено, тогда Уолтер решил дожарить его и то ли пережарил, то ли пережег, то ли еще что. Он рассмеялся и сказал:

- Пошли в кино!

Она сказала "ладно" и взяла его под руку липкими, шоколадными пальцами. Но ее запросы ограничились фильмом пятидесятилетней давности с Кларком Гейблом.

- Вот ведь умора, да? - хихикала она. - Ох умора!

Фильм кончился.

- Крути еще раз велела она.

- Снова? - спросил он.

- Снова, - ответила она.

Когда он вернулся, она прижалась к нему и облапила его.

- Ты не совсем то, что я ожидала, но все же ничего, - призналась она.

- Спасибо, - сказал он, чуть не подавившись.

- Ах, этот Гейбл. - Она ущипнула его за ногу.

- Ой, - сказал он.

После кино они пошли по безмолвным улицам "за покупками". Она разбила витрину и напялила самое яркое платье, какое только смогла найти. Потом опрокинула на голову флакон духов и стала похожа на мокрую овчарку.

- Сколько тебе лет? - поинтересовался он.

- Угадай. - Она вела его по улице, капая на асфальт духами.

- Около тридцати? - сказал он.

- Вот еще, - сухо ответила она. - Мне всего двадцать семь, чтоб ты знал! Ой, вот еще кондитерская! Честное слово, с тех пор как началась эта заваруха, я живу, как миллионерша. Никогда не любила свою родню, так, болваны какие-то. Улетели на Землю два месяца назад. Я тоже должна была улететь с последней ракетой, но осталась. Знаешь, почему?

- Почему?

- Потому что все меня дразнили. Вот я и осталась здесь - лей на себя духи, сколько хочешь, пей пиво, сколько влезет, ешь конфеты, и некому тебе твердить: "Слишком много калорий!" Потому я тут!

- Ты тут. - Уолтер зажмурился.

- Уже поздно, - сказала она, поглядывая на него.

- Да.

- Я устала, - сказала она.

- Странно. У меня ни в одном глазу.

- О, - сказала она.

- Могу всю ночь не ложиться, - продолжал он. - Знаешь, в баре Майка есть хорошая пластинка. Пошли, я тебе ее заведу.

- Я устала. - Она стрельнула в него хитрыми блестящими глазами.

- А я - как огурчик, - ответил он. - Просто удивительно.

- Пойдем в косметический салон, - сказала она. - Я тебе кое-что покажу.

Она втащила его в стеклянную дверь и подвела к огромной белой коробке.

- Когда я уезжала из Тексас-Сити, - объяснила она, - захватила с собой вот это. - Она развязала розовую ленточку. - Подумала: ведь я единственная дама на Марсе, а он единственный мужчина, так что...

Она подняла крышку и откинула хрусткие слои шелестящей розовой гофрированной бумаги. Она погладила содержимое коробки.

- Вот.

Уолтер Грипп вытаращил глаза.

- Что это? - спросил он, преодолевая дрожь.

- Будто не знаешь, дурачок? Гляди-ка, сплошь кружева, и все такое белое, шикарное...

- Ей-богу, не знаю, что это.

- Свадебное платье, глупенький!

- Свадебное? - Он охрип.

Он закрыл глаза. Ее голос звучал все так же мягко, спокойно, нежно, как тогда в телефоне. Но если открыть глаза и посмотреть на нее...

Он попятился.

- Очень красиво, - сказал он.

- Правда?

- Женестьева. - Он покосился на дверь.

- Да?

- Женестьева, мне нужно тебе кое-что сказать.

- Да?

Она подалась к нему, ее круглое белое лицо приторно благоухало духами.

- Хочу сказать тебе... - продолжал он.

- Ну?

- До свидания!

Прежде чем она успела вскрикнуть, он уже выскочил из салона и вскочил в машину.

Она выбежала и застыла на краю тротуара, глядя, как он разворачивает машину.

- Уолтер Грифф, вернись! - прорыдала она, вскинув руки.

- Грипп, - поправил он.

- Грипп! - крикнула она.

Машина умчалась по безмолвной улице, невзирая на ее топот и вопли. Струя выхлопа кольхнула белое платье, которое она мяла в своих пухлых руках, а в небе сияли яркие звезды, и машина канула в пустыню, утонула во мраке.

Он гнал день и ночь, трое суток подряд. Один раз ему показалось, что сзади едет машина, его бросило в дрожь, прошиб пот, и он свернул на другое шоссе, пересекающее пустынные марсианские просторы, бегущее мимо безлюдных городков. Он гнал и гнал - целую неделю, и

еще один день, пока не оказался за десять тысяч миль от Мерлин-Вилледж. Тогда он заехал в поселок под названием Холтвиль- Спрингс, с маленькими лавками, где он мог вечером зажигать свет в витринах, и с ресторанами, где мог посидеть, заказывая блюда. С тех пор он так и живет там; у него две морозильные камеры, набитые продуктами лет на сто, запас сигарет на десять тысяч дней и отличная кровать с мягким матрасом.

Текут долгие годы, и если в кои-то веки у него зазвонит телефон - он не отвечает.

Апрель 2026

[/table]

Страница книги Безмолвные города в интернете